

Влияние экстремистского мотива на совершение преступлений экстремистского характера

Бидова Бэла Бертовна, к.ю.н., доцент кафедры Уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО Чеченский государственный университет Ганаева Есита Эминовна, к.ю.н., доцент кафедры Уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет г. Грозный

Экстремизм имеет, прежде всего, психолого-политическую сущность и предполагает наличие двух основополагающих признаков: экстремистской идеологии и специфической направленности личности. Но экстремизм как специфическое состояние психики носит, в том числе, и правовой характер, поскольку объектом идеологической нетерпимости экстремистов выступает модель демократического государства, а предметом их враждебности - основные права и свободы человека и гражданина, охраняемые таким государством. Вместе с тем экстремизм как абстрагированное от правовых норм явление, относящееся к предмету исследований преимущественно политических наук, вряд ли в полной мере можно отнести к правовым феноменам.

Иначе выглядит ситуация, когда мы наделяем экстремизм качеством уголовно-правового признака субъективной стороны состава преступления, в частности, рассматриваем его как мотив совершения уголовно наказуемых деяний. «Экстремистский мотив преступления» — именно так мы определяем экстремизм в том качестве, в котором это сложное психолого-политическое явление приобретает научную значимость в российском уголовном праве. [1,с.518]

На почве экстремизма могут совершаться любые правонарушения, влекущие за собой наступление различных видов юридической ответственности. Однако экстремистские воззрения наделяются юридически значимым обстоятельством только в уголовном праве, когда речь заходит о квалификации деяний как «преступлений экстремистской направленности».

Поэтому в уголовно-правовом смысле понятие «экстремистский мотив преступления» по своему объёму уже понятия «экстремизм». При этом мы полагаем, что «экстремистский мотив преступления» и «преступление экстремистской направленности» выступают парными уголовно-правовыми категориями. [2,с.353]

Несмотря на то, что понятие «экстремистский мотив преступления» [1,с.516] в УК РФ в настоящее время не употребляется, свидетельством дифференциации и важной уголовно-правовой значимости такого мотива при квалификации преступлений, как преступлений экстремистской направленности, явилось дополнение уголовного закона примечанием 2 к ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества». Это дополнение было внесено Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ и, по нашему мнению, существенно изменило правовое представление о преступлениях экстремистской направленности. Изменению подлежала также диспозиция ч. 1 ст. 282.1 УК РФ.

В прежней редакции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ) законодатель указывал на мотив преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, а именно на «идеологическую, политическую, расовую, национальную или религиозную ненависть либо вражду в отношении какой-либо социальной группы», как на квалификационный

признак данного типа преступного соучастия. Фактически имелись в виду как раз экстремистские мотивы преступлений. Однако количество преступлений, совершение которых возможно по таким мотивам, было по неизвестным основаниям ограничено законодателем. При этом в уголовном законе выделялась самостоятельная группа преступлений, относящихся к «преступлениям экстремистской направленности». К ним относились составы преступлений, предусмотренные ст. 148 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», ст. 149 УК РФ «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ст. 214 УК РФ «Вандализм», ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению, экстремистской деятельности» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Это свидетельствовало о том, что законодатель при отнесении того или иного преступления к категории, преступлений экстремистской направленности, исходил прежде всего из признаков объективной стороны составов этих преступлений. Но поскольку все вышеперечисленные составы преступлений могли получить название «экстремистских» только в случае их совершения по указанному мотиву, уже тогда было понятно, что только специфика признаков, субъективной стороны конкретного состава преступления могла свидетельствовать о том, является ли такое деяние преступлением экстремистской направленности или нет. [3,с.3]

Новое изложение диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ) уже не содержит какого-либо перечня преступлений экстремистской направленности. Вместо этого, указанная статья была дополнена примечанием, раскрывающим содержание понятия «преступления экстремистской направленности», под которыми понимаются преступления, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Исходя из последовательности и логики внесения изменений и дополнений в уголовный закон, отчётливо видна законодательная тенденция наделения особого мотива преступлений наибольшей значимостью при квалификации уголовно наказуемых деяний как преступлений экстремистской направленности. Такой подход с позиций науки является, на наш взгляд, правильным.

Мы полагаем, что только на основе признаков объективной стороны состава преступления невозможно говорить о его экстремистской направленности. Исключения составляют лишь те редкие случаи, когда признаки общественно опасного деяния сами выступают признаками, подлежащими установлению при доказывании экстремистского мотива преступления. Например, выражение «жид поганый», употреблённое в отношении представителя еврейской нации, на наш взгляд, охватывает не только объективную сторону оскорбления (ст. 130 УК РФ), но и одновременно выступает основанием для дополнительной квалификации деяния по п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В остальных случаях экстремистский мотив преступления подлежит самостоятельному доказыванию.

Таким образом, экстремистский мотив преступления является основным квалификационным признаком преступления экстремистской направленности. Кроме того, такой мотив выступает обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Следовательно, правильное законодательное определение такого мотива имеет большое значение в российском уголовном праве. И не только при квалификации ряда преступлений и назначении вида и размера наказания, но и при уголовно-правовом определении понятий «экстремистская организация» и «экстремистское сообщество».

Мотив преступления (лат. *motus* - движение; греч. *moveo* — то, что движет) — это осознанное внутреннее побуждение, которое вызывает у человека решимость совершить преступление и которым он затем руководствуется при его осуществлении. Мотив преступления имеет настолько большое значение, что его образно сравнивают с «сердцем» и «клеткой» состава преступления. Он выступает субъективным источником уголовно наказуемого деяния, его внутренней движущей силой. Важная роль мотива преступления объясняется тем, что, во-первых, он объясняет, почему совершено преступление; во-вторых, тем, что в ряде случаев без установления мотива нельзя правильно решить вопрос о квалификации преступления; в-третьих, тем, что он нередко является отягчающим или смягчающим обстоятельством по делу, имеет большое значение при характеристике общественной опасности личности преступника. Мотивы преступного поведения, отмечает С.В. Складов, выступают в качестве основных элементов вины, оказывают непосредственное влияние на её содержание, форму и степень. Такое влияние проявляется вне зависимости от того, являются ли мотивы обязательным признаком основного состава преступления, квалифицирующим признаком или вообще не указаны в нормах УК РФ.

Таким образом, мотив преступления это причина, по которой лицо совершает преступное деяние, то, что побуждает совершить это деяние. Таких причин может быть много. Одни мотивы являются низменными по своему содержанию, как, например, корысть, зависть, вражда, месть, злоба, ненависть, карьеризм, тщеславие, хулиганские побуждения, трусость, малодушие и т.п. Другие лишены низменных свойств, как, например, ложно понятые интересы государственной службы, научный интерес, сострадание к неизлечимо больному человеку, мотивы, обусловленные исключительно сложными личными и семейными отношениями, и т.п. Некоторые преступления могут быть совершены по нескольким мотивам, различным по своему значению и роли в осуществлении криминального деяния: Но, тем не менее, далеко не во всех случаях мотивам уделяют должное практическое внимание.

Как отмечает С.В. Складов, в ходе проведения социологического опроса установлено, что на практике мотивы реально выясняются далеко не по каждому делу и только при осуждении лица за совершение умышленного преступления а учёт мотивов при определении лицу меры наказания более половины опрошенных судей считают правом, а не обязанностью. Поэтому практически: работники недооценивают значение мотивов преступного поведения для индивидуализации мер уголовно-правового характера, точнее, выявление мотивов преступного поведения производится в большинстве случаев с целью привлечения лица к уголовной ответственности, а не для индивидуализации этой ответственности. Влияние же мотивов на вину, её форму, объём и степень, по мнению С.В. Складова, чаще всего не выясняется.[4,с.9]

Не удивительно, что доказывание экстремистского мотива является лишним «обременением» для сотрудников правоохранительных органов при квалификации преступлений экстремистской направленности. Ведь намного проще, хотя и неправильно исходить только из формальных признаков объективной стороны состава преступления, игнорируя признаки субъективной стороны. Например, если деяние содержит признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ «Разбой», нет практической необходимости в выявлении дополнительного обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (в случае, если оно действительно имеет место) поскольку, во-первых, на основную квалификацию преступления данное обстоятельство не отразится, во-вторых, непонятно что конкретно следует понимать под «политической» и «идеологической» «враждой» и насколько широко можно толковать данные понятия в контексте п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в-третьих, могут возникнуть дополнительные сложности на стадии судебного разбирательства при доказывании вины, которые следственным органам не нужны по

статистическим соображениям, и, в-четвёртых, окончательный срок лишения свободы в любом случае определяет только суд, который даже при наличии отягчающего наказание обстоятельства может быть меньше требуемого прокурором срока при отсутствии такого обстоятельства. Тем не менее, мы считаем, уголовно-процессуальное доказывание наличия или отсутствия экстремистского- мотива преступления очень важным.

Достаточно часто, не умея полно и правильно исследовать и оценивать мотивы преступного поведения, субъекты уголовного преследования, иные участники процесса необоснованно, например, квалифицируют преступления, совершённые на почве национальной или расовой вражды или ненависти, как совершённые по другим мотивам: личным неприязненным, хулиганским и др. Такие ошибки не только приводят к тому, что статистические данные о совершаемых и раскрываемых преступлениях не соответствуют действительности, но и разлагающе воздействуют на кадры. Не умея исследовать структуру преступления, её отдельные элементы, субъекты идут более простым путём, подменяя неисследованную информацию домыслами.

Вместе с тем мы склонны в большей степени считать, что сложности при квалификации преступлений экстремистской направленности порождает прежде всего неудовлетворительная нормативно-правовая формулировка п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и неправильное на наш взгляд, определение уголовно-правовых понятий, основанных на ключевом понимании экстремистского мотива преступления.

В первую очередь, необходимо выяснить, почему мотивы преступлений, указанные в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, относятся именно к экстремистским мотивам, а не, например, к корыстным, «насильственно-эгоистичным», «анархическо-индивидуалистическим», «легкомысленно безответным» и иным выделяемым в науке видам криминальных мотиваций.

Ответ на этот вопрос вытекает из психолого-политической сущности экстремизма. Когда мы затрагиваем такие понятия как, например, «национальная; ненависть» или «религиозная ненависть», то предполагаем во всех случаях нетерпимость к основополагающим принципам конституционного строя Российской Федерации и охраняемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина. Такие мотивы являются по своей сути антиконституционными, иного объяснения: им, на наш взгляд, быть не может.[5,с.259]

Экстремистский мотив преступления можно определить как криминальное намерение, основанное на приверженности к экстремистской идеологии, или как преступный мотив на почве экстремизма, сущность которого принципиальным образом отличается от различного рода «низменных» мотивов (эгоизм, корысть, месть, зависть и т.п.).

По нашему мнению понятие «экстремистский мотив преступления» можно отождествлять с понятием «политический мотив преступления» только в том случае, если последний основывается на почве антидемократической идеологии. Если же в основу криминального намерения ложится невраждебная к демократии идеология, например, антиавторитарная, антифашистская антитоталитарная и т.п. и данное намерение реализуется в форме преступлений при антидемократическом государственном режиме; то речь будет идти в, любом случае о «политических преступлениях», но ни в коем случае не о преступлениях экстремистской направленности. Таким образом, рассматриваемые понятия тождественны только в условиях демократического политического режима, но в широком политическом понимании они соотносятся как родовое (политический мотив) и видовое (экстремистский мотив) понятия. Исходя из этого, правильнее относить экстремистские мотивы преступлений не к политическим мотивам в широком смысле слова, а к совокупности криминальных мотиваций антидемократического характера.

Поскольку экстремистская идеология ложится в основу экстремизма, а экстремизм - в основу

экстремистского мотива преступления, можно сказать, что идеологическая составляющая, как основа криминального побуждения, является важнейшим признаком данной группы криминальных мотиваций.

Никаким иным мотивам, например, месть за правомерные действия других лиц (п. «е» 1. ч. 1 ст. 63 УК РФ), кровная месть (п. «е» 1. ч. 2 ст. 105 УК РФ), хулиганские побуждения (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и др.,

идеологическая мотивация несвойственна. Однако если хулиганские побуждения, равно как и все прочие выделяемые в уголовном законе мотивы, основываются на приверженности к экстремистской идеологии, мы имеем дело, так скажем, с второстепенным (дополнительным) мотивом (в данном случае хулиганские побуждения), который в рассматриваемом случае является производным от основного экстремистского мотива.[6,с.22] На практике преступления, совершённые на почве национальной или расовой вражды или ненависти часто квалифицируются, например, как совершённые по хулиганскому мотиву. Существенное разграничение этих мотивов, повторим, состоит в первом случае в наличии, а во втором — в отсутствии идеологического характера криминальных побуждений. Если же преступный мотив имеет формальные признаки хулиганских побуждений, но в действительности причиной совершения преступления явились скрытые антидемократические или антиконституционные установки, преступление следует квалифицировать, на наш взгляд, как совершённое по экстремистскому мотиву. Сказанное объясняет, почему ««экстремистское» хулиганство имеет совершенно иной (по сравнению с хулиганством «общеуголовным») основной непосредственный объект посягательства.

Совокупность криминальных мотиваций экстремистского характера образуют несколько относительно отличающихся по своему характеру мотивов преступлений. Специфика таких мотивов, на наш взгляд, определяется сущностью той или иной экстремистской идеологии, точно так же, как и специфика всевозможных формально выделяемых видов экстремизма. Например, анархизм является одним из видов экстремистской идеологии. Приверженность к анархизму, как к политической теории, преследующей цель установления анархии, можно условно назвать политическим экстремизмом. В свою очередь, криминальное намерение, основанное на приверженности к анархизму, т.е. преступный мотив на почве политического экстремизма, можно отнести в контексте п. «е»-ч. 1 ст. 63 УК РФ к «политическому» преступному мотиву. Или, например, приверженность к ваххабизму как к одному из видов экстремистской идеологии можно условно назвать религиозным экстремизмом.

Соответственно криминальное намерение, основанное на приверженности к ваххабизму, т.е. преступный мотив на почве религиозного (исламского) экстремизма, можно отнести в контексте п. «ё» ч. 1 ст. 63 УК РФ к «религиозному» преступному мотиву. Но поскольку экстремизм во всех случаях основан на нетерпимости к основополагающим принципам демократии и носит антиконституционный характер, выделение его видов, как нами было отмечено в предыдущей; главе, влечёт образование тавтологических понятий.

Сказанное не является исключением и относительно дифференциации криминальных мотивов экстремистского толка, что наблюдается в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Итак, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание, изложен следующим образом: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной- группы». Данная норма перечисляет как раз те криминальные мотивы, которые в своей совокупности образуют группу криминальных мотиваций экстремистского характера. Истинное, на наш взгляд, предназначение этого обстоятельства в

российском уголовном законе — дополнительная правовая охрана демократических основ конституционного строя Российской Федерации, выступающих во всех случаях основными объектами посягательства преступлений экстремистской направленности.

Вместе с тем такой вывод прямо не следует из содержания рассматриваемой правовой нормы из-за некоторых недостатков. Основной из них состоит в том, что законодатель перечисляет ряд специфических криминальных мотивов, образующих самостоятельную, группу криминальных мотиваций, но не указывает на основополагающий признак, присущий данной совокупности мотивов в целом. Этим признаком является, на наш взгляд, враждебность к основополагающим принципам конституционного строя Российской Федерации, в т.ч. основам конституционных прав и свобод человека и гражданина.

На основании всего вышеизложенного становится очевидным тот факт, что п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ нуждается в совершенно иной законодательной формулировке. Простая корректировка или внесение дополнений в данную норму права, на наш взгляд, не смогут улучшить понимание на практике столь сложного психологического, политического и уголовно-правового термина, каким является «экстремистский мотив преступления». Однако мы не отрицаем и того, что закрепление такого мотива в российском уголовном праве может восприниматься политологами и юристами по-разному. Ведь фактически речь идёт о наделении политического мотива обстоятельством, отягчающим уголовное наказание, что не характерно для уголовного законодательства демократических государств. Тем не менее, этот вопрос является философско-политическим, на который отсутствует однозначный и неоспоримый научный ответ. Если же учитывать ту ситуацию, в которой находится современное российское общество, считаем, что такой мотив мог бы выполнять не столько карательную, сколько важную превентивную функцию. Мы считаем, это единственное, что можно предпринять со стороны науки уголовного права для противодействия распространению в России экстремистских идеологий. Но при этом важно изложить рассматриваемую уголовно-правовую норму таким образом, чтобы она обеспечивала правовую охрану именно демократического режима как главного принципа конституционного строя Российской Федерации и не позволяла причислять к экстремистам тех, кто ими не является, что допускает действующая редакция п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Предлагаемый нами вариант новой формулировки обстоятельства, указанного в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, состоит из двух условных частей: основной и конкретизирующей.

Основная часть: «е) совершение преступления по экстремистскому мотиву, то есть по мотиву идеологической нетерпимости к основополагающим принципам конституционного строя Российской Федерации и охраняемым Конституцией Российской Федерации демократическим правам и свободам человека и гражданина...».

Конкретизирующая часть: «...в частности, идеологической нетерпимости: к этническим или религиозным общностям, проживающим на территории России или иных государств, по дискриминационным признакам (пол, раса, национальность, язык, происхождение, место жительства, отношение к религии); к социальным слоям по дискриминационным признакам (возраст, имущественное и должностное положение, интересы, ценности и допустимые нормы поведения, мировоззрение и взгляды, не основанные на антидемократической идеологии); к политическим партиям, религиозным и иным общественным объединениям, а равно их членам, деятельность которых не является противоправной и не преследует антиконституционных целей; к политическому режиму в Российской Федерации и основным принципам демократии как форме политической организации российского общества и государства».

Такой вариант не исключает возможность существования иных, более точных определений экстремистского мотива преступления в уголовном законе. Тем не менее, полагаем, что наш подход

к изложению п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в большей степени можно назвать оправданным и не противоречащим теории уголовного права демократического государства, нежели тот вид, в каком данная норма отражена в настоящее время. На наш взгляд, сформулированное нами определение понятия «экстремистский мотив преступления», несмотря на немалый печатный объём, по своему смысловому содержанию значительно уже и конкретнее действующей законодательной формулировки. При этом основное преимущество предложенной нами дефиниции состоит, по нашему мнению, в том, что, являясь нормой права, она полностью раскрывает истинную политическую сущность экстремизма, несколько не искажая его содержание, но в той форме, которая становится понятной не только эксперту, но и ориентирует следователя при квалификации уголовно наказуемых деяний как преступлений экстремистской направленности.

Литература:

1. Бидова Б.Б. [Преступления, квалифицированные наличием экстремистских мотивов // Молодой ученый](#). 2013. № 11. С. 515-518.
2. Бидова Б.Б. [Исламский радикализм: анализ подходов и угроз // Молодой ученый](#). 2014. № 9 (68). - С. 353-355.
3. Аксентьев А.В., Аксентьев В.А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. - Ставрополь: СГПИ, 2011. – 239с.
4. Скляр СВ. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М.: Изд. МГАЮА, 2004. – 25с.
5. Бидова Б.Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. - 2013.- №1.-С. 259-260.
6. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона//Законность. 2008. № 4. - С. 22-24.